

НЕПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ К АВТОРИТЕТАМ

[...] Если б люди, превозносящие историческую пользу централизации и необходимость ее в настоящем, были реакционеры, их взгляд на централизацию был бы очень логичен. Но нет, они — друзья прогресса, и от этого никак нельзя примирить с здравым смыслом их мнение об элементе, занимающем их так много. Надобно сказать, что все они — люди из числа самых образованных у нас, а представители их школы в литературе — замечательные ученые; будь они — люди незнающие, ошибка была бы извинительна; а при качествах, которыми они отличаются, она очень странна.

Те представители школы, которые заслужили известность научными трудами, занимаются преимущественно русской историей. Они пишут многотомные сочинения и превосходные статьи, подвигающие науку вперед более или менее удачною разработкою фактов; и замечательнейшая вещь здесь та, что каждый излагаемый ими факт явно противоречит выводу их о полезной роли централизации. Начинают они находить ее полезной с самого же первого ее возникновения. Она, по их мнению, дала великорусскому племени государственное единство и освободила восточную половину нынешней России от татар. От чего же произошло раздробление восточной России на мелкие государства и чем оно поддерживалось? Не от географических условий страны произошло оно: вся страна составляет одну местность, не имеющую никаких естественных перегородок, через которые трудно было бы перебраться государственному единству. От Новгорода до Твери, от Твери до Москвы, от Москвы до Нижнего в одну сторону, до Орла в другую — точно такой же путь, какой от каждого из этих городов до ближайших к нему мест: путь совершенно открытый. А между населенными этими областями нет и не было никакой важной разницы по отношению к идее общей народности: в каждом из них всегда

владычествовала мысль об одноплеменности своей с остальным великорусским населением. Значит, не было ни физических, ни народных причин возникнуть или удерживаться раздроблению. Оно возникло просто только оттого, что население было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было рассеяно слишком бессвязно: одна группа его разделялась от другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить таких форм администрации, которыми удобно соединялись бы области, далекие одна от другой: ведь известно, что обширные государства для прочности своего существования требуют некоторой цивилизации народа, а без нее едва успеет основаться что-нибудь большое, как тотчас же ломается. Значит, чем же должно было прекратиться раздробление великорусского племени? Размножением его, чтобы не оставалось слишком обширных пустынь между его частями, и развитием хотя некоторой цивилизации.

Первое условие понемногу возникало само собою, силою естественного закона: люди размножались, потому что земледельческое население не может не размножаться, пока есть пустая земля. Централизация ничем тут не помогала судьбе России. А развитие второго условия всего сильнее задерживалось соседством хищнических азиатских орд: печенегов, половцев, татар. В Новгороде, далеком от них, гражданское развитие шло успешно. В других областях мешали ему их набеги. Какою силою устранено было это препятствие? Двумя обстоятельствами. С одной стороны, русский народ размножался — значит, с каждым поколением имел все больше силы останавливать набеги, а потом и теснить назад хищных дикарей, отбивать у них одну полосу земли за другой. С другой стороны, сами эти дикари слабели, хилели, вымирали. Ведь известное дело, что если кочевые варвары захватят удобный для земледелия край в соседстве земледельческого народа, они после первого своего наплыва начинают быстро исчезать с почвы, для них несродной, из соседства людей, которые крепче их срастаются с землею и захватывают своими крепкими корнями все дальше и дальше по краям своих поселений землю, удобную для их дела — хлебопашества. Номады способны держаться против расширения земледельческого народа лишь в своих родных степях, неудобных для земледелия, в какой-нибудь Аравии или в пустынях от Каспийского моря до Кореи. Это вторая, громаднейшая родина номадов и была морем, из которого выливались наводнения, мешавшие великорусскому племени. Как и что делалось в монгольских степях, чем выталкивались

из них стремительные потоки хищнических орд на запад, это все равно для нас; но мы видим, что после Тамерлана не выходили из монгольских и туркестанских степей новые орды на запад; да и тамерлановы орды едва-едва коснулись северо-западных окраин степного пространства, а главным образом устремились на юго-запад и юг, на Азию, а не на Европу. Последний напор дикарей Средней Азии на Европу был при Чингизхане, когда и наводнена была степными хищниками не одна великорусская земля, а вся средняя полоса Восточной Европы. После первого натиска, достигавшего Моравии, дикари, по естественному закону, о котором мы говорили, начали отступать назад, покидая потопленные земли: из Западной Европы они отхлынули тотчас же; поляки избавились от них очень скоро; после этого пришла очередь монголам ослабеть в своих набегах на западную Русь, а там стали слабеть они и в набегах на восточную. Это отступление их губительного тяготения происходило само собою, как сбегает волна, нахлынувшая на берег: ей неловко держаться на месте, ею захваченном, лишь от чрезвычайного волнения моря, ее выбросившего. Как избавилась от монголов Польша, точно так же через несколько времени должна была избавиться от них и великорусская земля: естественным упадком силы в номадах на земледельческой местности. Оно действительно так и было: около времен Мамая кипчакские татары сохраняли только тень своей прежней силы; и упадок этот произошел по внутреннему закону их собственной жизни, а не от борьбы с великоруссами, которые до Куликовской битвы, конечно, ничего не сделали во вред татарам.

Нашествие Мамая было уже предсмертною конвульсией умирающего зверя; полчища Мамая могли составить разве один отряд в ордах Батыя. Что они были не бог знает как многочисленны, видим из того, что они все могли сосредоточиться на одном Куликовом поле. При Батые было не так: орды одновременно шли по многим направлениям, захватывали чрезвычайно длинную линию своим фронтом: а тут протяжение фронта их было уже так невелико, что со всей линии собрались они на один пункт. Они уже не могли тяготеть над великорусскою землею; это видно из того, что Тохтамыш быстро очистил ее, хотя нигде не нашел успешного отпора. Что же такое принадлежит делу централизации в очищении великорусской земли от татар? Ровно ничего не принадлежит. Куликовская битва не имела никаких фактических результатов, да и происходила уже в такое время, когда главная часть дела соверши-

лась сама собою: татары совершенно уже охилели. Или придавать какое-нибудь значение неудачному походу к берегам Угры при Ахмате? Действительно, он имеет ту замечательность, что очень ясно обнаружил положение дел: пошли татары на Москву, подумали, подумали, да и вернулись назад: «нет, говорят, уж не хватает силы у нас». Пошла централизация на татар, подумала, подумала, да и побежала назад: «нет, говорит, я татар победить не могу». Чем же были побеждены татары? Собственным одряхлением и размножением русского населения, фактами, происходившими совершенно независимо от централизации¹

Таким образом, оба условия, от которых зависело возникновение национального единства, осуществлялись сами собою².

Но по взгляду ученых, о которых мы говорим, централизация не только была необходима для создания государственного единства, она также была нивелирующею силою, действовавшею в демократическом направлении против аристократии. Это еще прелестнее, потому что сами же эти ученые необыкновенно подробно разъясняют, что собственно централизация и создала поместную систему, то есть иерархию более или менее крупных поземельных владельцев, — иерархию чисто феодальную; что собственно централизация и поставила массу населения в крепостное отношение к феодалам, созданным поместною системою; те же самые ученые объясняют нам, как это феодальное сословие было обращено тою же самою централизациею в аристократию более новой формы, чрез постепенное расширение и упрочение поместных прав и, наконец, чрез признание поместий вотчинами³.

Взгляд на централизацию мы взяли только для примера, потому что так оно пришлось ближе всего к примеру бессвязности мыслей, представленному нам Токвиллем. А можно было бы припомнить много несообразностей. Один авторитет провозглашает самостоятельность разума и ужасается, когда вы говорите, что не принимаете фантазий, отвергаемых разумом: по его мнению, наука доказывает истину всех бредней. Другой авторитет называет славянофильство нелепостью и тут же доказывает, что Западная Европа, в особенности Франция, гниет и только славянское племя, носящее в себе зародыши высшей цивилизации, только одно оно может обновить дряхлеющую Западную Европу. Третий авторитет превосходно рассуждает, что просвещение спасительно, и тут же доказывает, что цивилизация имеет растлевающее свойство. Чет-

вертый авторитет ставит вопрос несколько иначе: полное образование неизмеримо выше невежества, но полуобразованность гораздо хуже невежества⁴, как будто образование — маленький кусочек леденца, который можно сглотнуть разом, как будто невежда может стать вдруг образован, а не должен перейти на этом пути все степени, в том числе и полуобразованность, и всякие другие доли образованности. Словом сказать, какой авторитет ни возьмите, у каждого находится в образе мыслей какая-нибудь гармония этого сорта, а у иного и по несколько их — да еще таких ли! Ведь мы выбирали противоречия отвлеченные, то есть бледные и сравнительно безвредные. А если обратитесь к авторитетным воззрениям на живые практические вопросы, вас угостят еще гораздо приятнейшими винегретами. Но о них когда-нибудь в другой раз; а теперь довольно и того, если мы успели на Токвилле показать, какую степень вины имеет наша непочтительность к авторитетам, подобным Токвиллю. [...]